«Трезвая жуть» рассказов писателя или действительность провинциального Брянска 20-30-х годов

Начать свое выступление мне бы хотелось словами **Вениамина Каверина: «Добычин писал о том, что в обыденной жизни проходит незамеченным, о мимолетном, необязательном, встречающемся на каждом шагу. Его крошечные рассказы представляют собой образец бережливости по отношению к каждому слову. Пересказать их невозможно...»**

Действительно, Леонид Добычин писал небольшие рассказы. Часто – совсем маленькие, бессюжетные, лаконичные тексты. Вообще, он был крайне лаконичен – во всех смыслах. Добычин – не рассказчик историй, а фиксатор реальности. Он словно установил на брянской пыльной улице воображаемую видеокамеру и фиксировал − трогательную реальность русской провинции первой половины прошлого века. Нет, конечно, рассказы у него имеют форму историй, но это истории, начинающиеся ни с чего и кончающиеся ничем. Куски жизни маленьких, неприметных людей. **«У калиток ломались перед девицами кавалеры. Мальчишки горланили «Смело мы в бой пойдем». Оседала поднятая за день пыль. Торчали обломки деревьев, посаженных в «день леса». Тянуло дохлятиной». («Козлова»)**

Практически сразу бросается в глаза, что в рассказах Добычина нет более или менее важных или неважных событий, людей или явлений. Автор изображает какой-то очень странный, «плоский» мир, в котором уравнены будни мелкой конторы, революция, жизнь брянских обывателей и т.д. **«Муж пришел насупленный. Из канцелярии он ходил купаться, в переулочке увидел на заборе клок черной афиши с желтой чашей: голосуйте за партию с-р. Вспомнил старое, растрогался… После обеда – повеселел. – Утопленник, – рассказал он новость, – выплыл». («Лидия»)**

Читая Добычина, мы видим провинциальный Брянск первых послереволюционных лет, жизнь мелких служащих, канцелярские будни, дворовый, уличный быт. Интонация его рассказов – безэмоциональная, ровная, однотонная, однозвучно звенит колокольчик, серое по серому. В нашей жизни, действительно, мало ярких красок, и Добычин в этом смысле – можно сказать, гиперреалист. Взгляд Леонида Добычина на окружающую реальность – это взгляд человека, смотрящего на все окружающее с холодным спокойным удивлением.

У него не было иллюзий ни по отношению к прошлому, ни по отношению к настоящему и ближайшему будущему.

Душевная тупость, пошлость, мещанство **одинаковы во все времена**. Газета «Двинский листок» 20 февраля 1902 года сообщает, что извозчик обругал господина и даму – «за то, что кто-то его окликнул, вероятно, ради шутки, и спрятался, а извозчик полагал, что звала проходившая мимо пара...» Подобным образом забавляются обыватели и в **рассказе «Встречи с Лиз» (1924)**: **Кукин «посмеялся шуткам молодых людей, которые подзывали извозчиков и говорили «проезжай мимо», и в приятном настроении повернул в свой переулок. Клуб штрафного батальона был парадно освещен, внутри гремела музыка, на украшенной еловыми ветвями двери висело объявление: труппа батальона ставит две пьесы - "Теща в дом - все вверх дном" и антирелигиозную».**

Его рассказы ни на секунду не дают усомниться в том, что и советский строй он отверг сразу и полностью. **«Где революция, там - вечно что-нибудь»,** - написал он поначалу в **рассказе «Прощание»** (затем эта фраза исчезла).

В первые же послереволюционные годы Добычин увидел родовые, не связанные с личностью того или иного вождя пороки: культ и диктатуру партии, идеологический террор, невозможность разномыслия. В его тщательно обдуманных рассказах это подчеркивается присутствием почти в любом пейзаже тюрьмы, казармы, сумасшедшего дома или какого-нибудь идеологического заведения с примитивными лозунгами и нелепыми мероприятиями. Например, рассказ **«Сиделка»**: **«Сдернули холстину. Приспустились флаги. Заиграл оркестр. У памятника егозили, подсаживали взлезавших на трибуну… Вертелись. Сзади было кладбище, справа - исправдом, впереди – казармы».** Или вот пример из рассказа **«Встречи с Лиз»: «В библиотеке висели плакаты: Туберкулез! Болезнь трудящихся! - Долой домашние! Очаги!»**

В повествованиях Добычина постоянно говорится о похоронах «**Хоронили исключенную за неустойчивость самоубийцу Семкину**» в **рассказе «Сиделка»,** утонула героиня **рассказа «Встречи с Лиз»**.

Отдельно можно говорить об отвратительных запахах, которые окружают обывателей: **«Оседала поднятая за день пыль. Торчали обломки деревьев, посаженных в «день леса». Тянуло дохлятиной», «Воняло керосином и копотью» (рассказ «Козлова»); «Несло гарью. Сор шуршал по булыжникам» «воняло табачищем и кислятиной» (рассказ «Савкина»); «Из дворов несло кислятиной. Завоняло дымом», «воняло капустой» (рассказ «Ерыгин»).** Все эти детали направлены на то, чтобы показать и, если

можно так выразиться, незаметно подчеркнуть **весь ужас этой жестокой повседневности**: **«Глина раскисла. У Фани Яковлевны засосало калошу. Безработные не приходили… Висели тучи. С канцелярии убирали транспаранты и гирлянды из крашеных бумажек: - Империалистические хищники, терзающие Китай? Прочь грязно-кровавые руки от великого угнетенного народа. За рекой было бело - с черными кустиками. Сзади звонили. Навстречу мужики гнали коров. По брошенным вместо мостика конским костям Ерыгин перешел через ручей»**.

Отличие в изображении дореволюционной и советской жизни состоит в том, что в первом случае семья представляется более независимой, далекой от государства (отчасти его заменяет церковь), а во втором – советская власть, государство разными способами постоянно вторгается в быт, в привычный уклад, переделывает, перемалывает его бесконечными идеологическими акциями - собраниями, митингами, шествиями, плакатами... **Рассказ «Ерыгин»**: **«Девицы выходили из калиток и спешили со своими кавалерами: торопились в сквер - в пользу наводнения. - Под руководством коммунистической партии поможем трудящимся красного Ленинграда! Ленинград! Ревет сирена, завоняло дымом, с парохода спускаются пузатые промышленники и идут в музей. Их обгоняют дюжие матросы - бегут на митинги. - Да здравствуют вожди ленинградского пролетариата!».**

Довольно красноречивое описание и в рассказе **«Козлова»: «Чихнула от пыли. Дымные огни развевались на факелах. Отсвечивались в медных трубах. Керзон болтался на виселице. Свет пробегал по лицам маршировщиков. - Ать, два! Левой! Да здравствует коммунистическая партия! Ура! Разинув рот, маршировала Суслова. Из темноты прибежала Авдотья: - Англия воюет. Пред киотами зажгли лампадки и при двух лампах пили настоящий чай. Воняло керосином и копотью. С светлым лицом Козлова достала из лекарственного шкафа баночку малины».**

Разделяя атеистические воззрения немалой части старой русской интеллигенции, Добычин и в религии не находит основы для надежды и уверенности в разумном устройстве бытия. Без всякого пиетета показана писателем церковь. Рассказ **«Козлова»: «...епископ вышел из сторожки - простоволосый с ведром помоев»**. «**Электричество горело в трех паникадилах. Сорок восемь советских служащих пели на клиросе.**

Приезжий проповедник предсказал, что скоро воскреснет бог и расточатся враги его». По-моему, так весьма красноречивые фразы.

Искренне верующих людей, заслуживающих уважения, в его произведениях нет: «**Завтра - Иоанна-воина, - сказала новая, франтоватая старушка с красными щеками. - Когда вы с кем-нибудь поссоритесь, молитесь Иоанну-воину. Я всегда так делаю, и знаете - ее забрали и присудили на три года. - Хорошая женщина, - подумала Козлова, - религиозная…»**

В одном и том же рассказе **«Козлова»** показаны и жестокая нетерпимость советской власти **«жгли картонного бога-отца с головой в треугольнике, музыка играла «Интернационал»**, и современная церковь, не вызывающая благочестивых чувств **«седьмого ноября во всех церквах будет торжественная служба и благодарственный молебен»**.

На протяжении всей своей жизни Добычин напряженно следил за событиями в стране и мире. Его произведения и письма насыщены реалиями общественного бытия, разнообразными газетными сведениями, лозунгами, пропагандистскими штампами. И они всегда должным образом оценены.

Зачастую Добычин переносит все это в свои произведения без всяких изменений. В **рассказе «Ерыгин»,** не меняя ни единой буквы, он повторил лозунг, напечатанный в «Брянском рабочем» 6 ноября 1924 года: **«Империалистические хищники, терзающие Китай! Прочь грязно-кровавые руки от великого угнетенного народа».**

В том же **«Ерыгине»** говорится о знаменитом наводнении 1924 года в Ленинграде. Вся страна оказывала городу помощь, газеты печатали сводки: кто и что именно пожертвовал. В этих материалах партия даже не упоминается. Теперь уже сам Добычин сочинил лозунг, которым открылось тематическое мероприятие, а попросту гулянье**: «Под руководством коммунистической партии поможем трудящимся Красного Ленинграда!»** Ирония едкая. Недаром, желая увидеть рассказ напечатанным, он смягчил ее**: «Под руководством общественных организаций...»**

В рассказах за образами Ерыгина, Лиз Курицыной, Кукина, Фишкиной, Окунь, Конопатчиковой и всех остальных вряд ли стоят конкретные лица. Во всяком случае, даже судя по знаковым фамилиям, это образы собирательные, гротесковые. Действительные факты, пейзажи, штрихи частной и государственной жизни отобраны писателем из бесконечного числа

возможных, они компонуются, сочетаются друг с другом в точном соответствии с авторской мыслью.

Ёмкость – коренное свойство добычинской прозы. Добивается он этого необыкновенным вниманием к мельчайшим деталям. Не доводилось слышать, чтобы роман считали на слова. А Добычин считал: роман, сообщает он Слонимскому, пишу, уже написано 700 слов.

Огромную роль в поэтике Добычина играет система образов. Энергия художественного выражения возникает только при их соединении, при взаимодействии фраз, каждая из которых в отдельности может значить только то, что значит. Первая фраза без второй фразы, становится чисто информационной.

Вот весьма интересный пример**. Рассказ «Сиделка».** Митинг по случаю открытия памятника коммунисту Гусеву. Из всех речей приведены только слова: **«Товарищ Гусев подошел вплотную к разрешению стоящих перед партией задач».** Далее следует: **«Сзади было кладбище, справа исправдом, впереди казармы». Относительно безобидный намек на слова Ленина: Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму...»** заслоняет убийственный внутренний, спрятанный смысл, возникающий от соседства фраз: разрешение задач партии – и **кладбище в прошлом**, **исправдом в настоящем** и **казарма как будущее**! Человек в новом мире «зажат» между кладбищем (там лежат «неисправимые»), тюрьмой (исправительным домом), казармой (там тоже «исправляют» и приводят к «общему знаменателю»). **В комментариях** к **«Полному собранию сочинений и писем» писателя** говорится, что «**эпизод с открытием памятника Гусеву почти документально воссоздает реальные картины закладки и открытия памятника Игнату Фокину, одному из организаторов советской власти на Брянщине».** Вот оно – отношение к новой власти.

Также мы говорили о месте церкви и религии в мироощущении писателя. Прямо об этом он нигде не пишет. Но при желании его мысль понять нетрудно. Добычин постоянно снижает, **переводит в бытовой план все образы**, связанные с религией, с верой: **«Голова Иоанна Крестителя лежала среди булок и чашек...» («Город Эн»)**; на столик «**была поставлена икона и вода в салатнике»; «Бом, - начали звонить в соборе. Мы перекрестились».** И, несмотря на всю свою любовь к заглавным буквам, все, что относится к понятиям религии, автор, отлично знавший традицию, пишет с маленькой буквы, в том числе и слово «Бог».

Надо отметить, что Добычин узнаваем, прежде всего, по особенному строению предложения. Вместе с тем порой Добычин добивается многомерности изображения, почти полностью отказываясь от эпитета: **«Глина раскисла. У Фани Яковлевны засосало калошу. Безработные не приходили. Ерыгин с Захаровым и Вахрамеевым сдвигали табуретки и болтали. Сблизив головы, смотрели, как Захаров рисует Германию под пятой плана Дауэса: дождь, плавают утки, рабочие с бритыми головами таскают камни, надсмотрщики щелкают коровьими кнутами, из-под зонтика выглядывают социал-предатели, потирают руки и хихикают. К праздникам подмерзло. Выпал снег. Седьмого и восьмого веселились. Выбралась и мать в клуб «Октябрь». Возвращаясь, плевалась». («Ерыгин»)**

Добычин делает, кажется, невозможное: в нескольких строках – **целая картина мира**, **микромира**, с отечественной непролазной грязью, с бездельем, с коммунистическими пропагандистскими штампами, с жителями социального «верха» (Фаня Яковлевна) и «низа» (мать, плюющаяся после клуба), и **макромира**, с проблемами Германии, социал-демократами – «предателями», с Дауэсом.

Добычин пишет о постреволюционном захолустье, где улицы с прогнившими домиками уже торжественно переименованы, где в клубе штрафного батальона ставится **«антирелигиозная» пьеса**, где романтический герой Кукин (рассказ **«Встречи с Лиз»**) идет в библиотеку, чтобы взять **«что-нибудь революционное»,** но значение этих преобразований, по мысли автора, остается внешним, не затрагивая основ сознания, которое оперирует старыми вековечными понятиями (**моченые яблоки торговок, голубой таз с желтыми цветами, сравнение сетки с кадилом** – все это не случайно; все это не только приметы быта, но и непоколебимые устои жизни).

Раздвоенность вообще характерна для атмосферы добычинских рассказов, где сошлись два мира со своими укладами: церквами, кадилами и революционными маршами, но не для героического противостояния, – а для сожительства. **«Электричество горело в трех паникадилах. Сорок восемь советских служащих пели на клиросе. Приезжий проповедник предсказал, что скоро воскреснет бог и расточатся враги его. Козлова приложилась и, растирая на лбу масло, протолкалась к выходу. Через площадь еле продралась: пускали ракеты, толкались, что-то выкрикивали, жгли картонного бога-отца с головой в треугольнике, музыка играла «Интернационал». («Козлова»)**

Обыватель, чувствуя силу власти, рад нарядиться в новые одежды, с удовольствием разучивает новый лексикон, подражает манерам незнакомого времени. Не зря же в рассказе **«Ерыгин»,** начинающий писатель Ерыгин, отражая то время, описывает следующий сюжет**: «Белые бандиты заперли начдива Виноградова в сарай. Настя Голубцова, не теряя времени, сбегала за Красной Армией. Бандитов расстреляли. Начдив уехал, а Настя выкинула из избы иконы и записалась в РКП(б)».**

Позиция Добычина может сойти за изображение «гримас» нэпа, однако в этом маскараде автор видит нечто большее. Его нарастающий конфликт со временем связан с невозмутимостью повествователя-наблюдателя, который, однако, с внутренним напряжением, завуалированным иронией, следит за процессом перерождения обывателя. Рассказ **«Савкина»: «Оглядывая друг друга, расхаживали по залу. Мимоходом взглядывали в зеркало. Савкина, в лиловой кофте пузырем, смеялась и шмыгала глазами по толпе. Коля Евреинов наклонял к ней бритую голову. Его воротник был расстегнут, под ключицами чернелись волоски!**
- Буржуазно одета, - показывал он. - Ах, чтоб ее!»
Или вот ещё, всё из того же рассказа: **«Разделавшись с посудой, Савкина припудрилась, взяла тетрадь и, втирая в руки глицерин, вышла за сараи почитать стишки. Кукель в синем фартуке доил корову. - Обижаются, что без ксендза,- пожаловался он.- А когда я – партейный».**

Книги Добычина очень похожи на него самого. Его главный прием – минимализм, нарочитая сдержанность и небывалая в литературе краткость. У него есть рассказы по две и даже по одной странице, тем не менее, оставляющие неизгладимое впечатление – и чем короче, тем тяжелее. Действительно, какой может быть жизнь у персонажа, если ее можно уместить на одной странице, меньше любой анкетной? Это и есть **тема Добычина - жизнь, сходящая на нет, иссякновение бытия, гибель и конец времен. Малый Апокалипсис, если хотите.**

Он ничего не описывает, не объясняет – он показывает, дает крохотные детали, хоть сюжетные, хоть словесные, и эти детали создают полное, исчерпывающее и даже какое-то избыточное представление о жизни его персонажей – и о жизни, которая вокруг них, которая и свела их на нет. Под микроскопом Добычина видно куда больше, чем в самый большой телескоп.

Интересно, что социальная среда добычинских персонажей та же, что у зощенковских, хотя у Зощенко они шумные, а у Добычина тихие. Понятно

почему: зощенковские живут в коммуналках, а у провинциалов Добычина еще сохраняются их домишки, огородишки, козы, а когда и коровы. Но они тоже ходят не только в церковь, пока не запрещенную, но и на службу в свои провинциальные канцелярии, а со службы и на митинги: **«Маленькие толпы с флагами спускались к главной улице. Толклись перед дворцом труда. Товарищ Окунь, культработница, стояла на балконе со своим секретарем Володькой Граковым… На площади Жертв выстроились». («Сиделка»)**

Добычинские герои не только подвергаются стороннему давлению, они и сами при случае готовы давить. В рассказе **«Ерыгин»** заглавный персонаж не хочет идти «на бухгалтерские», а хочет стать писателем – писать о жизни Красной армии и ответработников, только сознает, что эта жизнь мало ему известна. Но вот к соседке, «белогрудой кассирше Коровиной», на которую заглядывается Ерыгин, приезжает на коне какой-то красный командир. И тогда Ерыгина осеняет, и он пишет такой текст: **«По зеленой улице с серыми тропинками разгуливает архиерей и нэпманша - затевают контрреволюцию. Интеллигентка Гадова играет на рояле. Товарищ Ленинградов, ответственный работник, влюбляется. Ездит к Гадовой на вороном коне, слушает трели и пьет чай. Зовет ее в РКП(б), она - ни да ни нет. В чем дело? Гадова выходит кормить кур. Товарищ Ленинградов заглядывает в ящики и открывает заговор. Мужественно преодолевает он свою любовь. Губернская курортная комиссия посылает его в Крым. Суд приговаривает заговорщиков к высшей мере наказания и ходатайствует о ее замене строгой изоляций: Советская власть не мстит».** По существу эта пародия на всю советскую литературу, какой ее хотели сделать и какой она, в конце концов, стала.

Не нужно думать, что Добычин – сатирик, высмеивающий косный мещанский быт. Он своих героев не высмеивает – он их жалеет. Всех жалеет – и обывателей, и канцслужащих, и «француженку Марью Ивановну Бобкову», и нэпманш Фриду Белосток и Берту Виноград, которым недолго остается **«щеголять модами и грацией».**

А вот в рассказе **«Чай»** появляется интеллигентка**: «Пенсне блеснуло. Докторша заволновалась на скамье. - В Америке, - засуетилась она, - всюду автоматы: опускаете монету, и выскакивает шоколад. - Скажите, - отвечали ей.**

Никто не расходился. Все хотели переждать друг друга. Докторша тянула канитель, рассказывая об Америке. Там, говоря по телефону, можно

видеть собеседника. Там тротуары двигаются, там ступени подымаются с идущими по ним. Она рассказывала и рассказывала, под гармонику и топот, и не знала, как ей замолчать, хотя и чувствовала, что никто не верит ей».

Дело, повторяем, не в сатире: просто Добычин старается быть точным, демонстрирует действенность своей художественной манеры, своего, если можно так сказать, максималистского минимализма. Когда попал в цель, то говорить лишнее уже ни к чему. Читать такие тексты непросто, это требует большого внимания, **нужно буквально вчитываться в каждое слово, не пропуская ни одной мелкой детали, потому что неизвестно, что может явиться главным для сути, для понимания смысла**.

Когда Добычина начали переиздавать в перестройку, о нем писали, что он разоблачает нэповское мещанство, – то же, что говорили и о Зощенко. На самом деле, на примере провинциального Брянска, им была дана картина убывания русской жизни: оскудение, пустота, запустение. Только у Зощенко шумно – коммунальная квартира, а у Добычина – тихо, его провинциальные обыватели живут еще в собственных **разваливающихся** домишках. Но домишки-то уже разваливаются.

Есть у Анны Ахматовой замечательное стихотворение о Париже под немцами. Начинается оно так:

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.

Вот и Леонид Добычин погребал эпоху русской жизни.